

Многие праздники, как показывают авторы (на обширном этнографическом материале), продолжались несколько дней, даже целую неделю. Каждый день был посвящен определенным молениям и ритуалам. На примере праздника Гершыд, подробную информацию о котором авторы записали еще в 1985 г., рассмотрим примерную структуру подобных праздников. За два дня до молений устраивается Гершыд юон — пир в честь Гершыда. Первый день посвящен молениям в честь посевов на озимых. Во второй день поминают усопших, для чего собираются в специально отведенном месте. В третий и четвертый дни совершаются моления Инмару, в пятый Мукылчину. Шестой день, самый значительный, предназначен для поклонения, все ритуалы которого детально разработаны. В седьмой день совершается моление акташу, в восьмой — поминовение умерших на стороне. Имеется ввиду поминовение родичей прежней родины, откуда жители этой деревни когда-то переселились. На этом цикл молений Гершыда заканчивается.

Завершая статью, авторы невольно подтверждают нашу мысль о полноте и разнообразии удмуртской религии: «...именно годовой календарный цикл включает в себя всю полноту и многообразие религиозно-мифологической информации, характеризующей огромный диапазон очень непростых взаимоотношений человека и природы в системе традиционного удмуртского общества».

Как уже отмечалось выше, сборник содержит немало *Куриськонов* и *Восяськонов* — молитв и заклинаний, из этнографических сборников XIX-XX вв. Замечательно дополняет книгу и подборка фотографий и рисунков, также преимущественно из архивов — удмуртские жилища, быт, праздники, обрядовая утварь, схемы расположения людей и предметов на ритуальных действиях. Можно однозначно утверждать, что книга полезна как ученому, так интересна и неспециалисту. Единственное, о чем можно сожалеть, — это небольшой ее объем, ведь очевидно, что столь хорошо сохранившаяся *Удмурт Оскон* может предложить интересующимся много разнообразной информации.

А. Белов

Рецензия на: *Шеховцова Л.Ф. Душа и тело в православной психологии: психофизиологические аспекты взаимоотношений*. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. 187 с.

Монография «Душа и тело в православной психологии: психофизиологические аспекты взаимоотношений» издана в 2011 году издательством Российской христианской гуманитарной академии (г. Санкт-Петербург) тиражом 500 экземпляров. Автор — Лариса Филипповна Шеховцова — доктор психологических наук, профессор, руководитель Общества православных психологов Санкт-Петербургской митрополии. Окончила факультет психологии Ленинградского государственного университета, в 70-х гг. защитила кандидатскую диссертацию по диагностике типов конституции с применением обработки материала методом таксономии, в

2002 г. защитила докторскую диссертацию «Концепция развития целостного человека на основе интеграции христианской психологии и современной психологии»¹.

Монография состоит из пяти глав, введения и заключения. В первой главе «Православная психология как научная дисциплина» обосновываются категориальный аппарат, предмет, задачи, методологические вопросы православной психологии. По мнению автора, православная психология — это «дисциплина, интегрирующая современную психологию и христианскую антропологию... при соблюдении концептуальной и языковой аутентичности научной и богословской терминологии» (с. 21). Основная практическая задача православной психологии — «оказание помощи в восстановлении отношений человека с Богом» (с. 18), а её предметом является «целостная триметрия ««тело — душа — дух»» (с. 19).

Вторая глава «Христианское учение о человеке и теория индивидуальности» рассматривает понятие триметрии в христианской антропологии и современные подходы в исследовании индивидуальности. Триметрия — это «тело — душа — дух». Душа «оживляет тело и слита с ним нераздельно... и в то же время свойства природ души и тела... не сливаются. Так же трудно установить различия между душой и духом...» (с. 29). Существуют (в соответствии с святоотеческой антропологией) «принципы строения и функционирования» триметрии: неслиянности и нераздельности, целостности, симфонии и гармонии, иерархии, триединства (с. 29-30). В основе непосредственно психологических построений автора лежит теория Бориса Герасимовича Ананьева, который «понимает индивидуальность как целостное единство многообразных признаков конкретного человека...» (с. 33). В этой системе существуют подсистемы, «срезы целостности» — «индивид, субъект деятельности, личность» (с. 33), у каждого среза существует своя подструктура. Но самое важное, по мнению Л.Ф. Шеховцовой, то, что «научные представления о человеческой индивидуальности во многом аналогичны представлениям о триметрии... образованы тремя структурами, объединенными в целостную систему», их функционирование «подчинено принципам неслиянности/нераздельности, иерархии, симфонии, гармонии, синергии» (с. 46).

В третьей главе «Биологические и психофизиологические свойства человека» рассматривается понятие тела, плоти и души в христианском богословии и биологические свойства индивидуальности человека. В интерпретации православной антропологии Л.Ф. Шеховцовой «тело — это внешняя целостность человека, организованная форма земной материи. Плоть — биофизические и биохимические процессы обмена в тканях... физиологические функции. Мозг — материальный центр триметрии, представитель души и духа в эмпирическом мире» (с. 61). В этой главе автор приводит анализ экспериментальных данных конституции человека и приходит к выводу, что это целостная организация (с. 85-96). Ядро биологических свойств индивида — это конституция «биологической подсистемы... во временном плане» (с. 96).

¹ Персональная страница Шеховцовой Л.Ф. на сайте «Русская православная психология» // <http://dusha-orthodox.ru/psihologi/shehovtsova-l.f.html> (Дата последнего обращения 15.08.12).

Четвертая глава «Принципы функционирования триметрии-индивидуальности человека» посвящена объяснению неслиянности, нераздельности, иерархии, гармоничности, симфонии в целостности. Автор публикует данные своего исследования, в котором пытается выяснить, «изменяется ли температура кожи висков, отражающая метаболическую активность мозга, при выполнении тестов» (с. 102). В результате «экспериментальные данные указывают на то, что разумная деятельность души определенным образом связана с телесными процессами, ее сопровождающими» (с. 111), при этом «духовно-душевный компонент управляет телесными процессами» (с. 119). Все это, по мнению Л.Ф. Шеховцовой, свидетельствует о неслиянности, нераздельности и иерархии в триметрии (с. 122). Психофизиологические экспериментальные и теоретические исследования приводят автора к выводу, что «нервная система является материальным субстратом духа», «функция тела, мозга — условие для проявления духовной-душевной жизни человека» (с. 159).

В пятой главе «Проблема психофизического параллелизма: научный, философский, христианский взгляды» автор рассматривает проблему соотношение мозга и души в научно-философском подходе и христианском учении.

Мы не будем акцентировать внимание читателей на отдельных недочетах книги, такие как вторичность некоторых источников и отсутствие зарубежной литературы. Отрицательное впечатление от книги складывается по другим причинам. Во-первых, книга, по сути, — это переживание своей веры в научном тексте, отсюда эмоциональная насыщенность и апологетическая риторика: «мы отвечаем нашим оппонентам так... мы, современные православные психологи...» (с. 7, 8). Автор пытается доказать читателю, что православная психология имеет право на существование, что у нее особое место, предмет и задачи. Здесь мы переходим ко второму замечанию: автору так и не удалось доказать самостоятельность и самодостаточность православной психологии как научной дисциплины. И дело не в несостоятельности автора, а в том, что доказать это в принципе невозможно. По отношению к «психологии» прилагательное «православная» становится не методологическим или предметным указателем, но мировоззренческим. Например, какие бы прекрасные труды ни писали Отцы Церкви, как бы я ни любила, например, произведения св. Григория Нисского и св. Иоанна Дамаскина, они никак не объяснят мне механизмы передачи информации при социализации или иную проблему, которая меня волнует как исследователя. Несомненно, при изучении проблематики психологии монашеской жизни я обращусь к аскетической литературе, но она, в таком случае, будет фоном для моего анализа, а не методологией. Попытка Л.Ф. Шеховцовой сблизить психологию и святоотеческую традицию выглядит безрезультативной, теологические размышления автора и ее экспериментальные исследования так и остаются существовать параллельно. И это особенно чувствуется в пятой главе монографии, где автор пытается решить проблему отношения психики, души и мозга. Решение так и не найдено, хотя бы потому, что современная психология не оперирует понятием «душа», а у самой Л.Ф. Шеховцовой оно все время подме-

няется понятием «психика»: «мозг является инструментом души, психики, орудием ее проявления» (с. 178).

В-третьих, конечно, можно указать на католический опыт, где учение св. Фомы Аквинского и неотомизм составляют основу внутрицерковных наук, но в православном богословии нет такой универсальной разработанной философской системы. Более того, Л.Ф. Шеховцова, Б.С. Братусь, Ю.М. Зенько и другие авторы, продвигающие «православную психологию», по сути, незнакомы с серьезной традицией психологии религии в католической и протестантской церковной науке. Это приводит к тому, что происходит «изобретение велосипеда», самоизоляция от достижений западной науки и изменение методологических и предметных акцентов. Если у зарубежных коллег в основе исследований лежат достижения «светской» психологии, а непосредственно предмет изучения связан с религией, то у отечественных авторов «православной психологии» или «христиански ориентированной психологии» (термин Б.С. Братуся) превалирует апология веры от «позитивизма и естественно научной методологии» (с. 11).

Несомненно, «психология» может (должна?) быть в корпусе церковных наук, как вспомогательная и/или специальная дисциплина, но ее «конфессиональность» пусть тогда выражается не поиском религиозных оснований, а исследованием предметов в религиозной среде. Тогда, «психология миссионерской работы», «психология монашествующих» будет обоснована и не вызовет, в отличие от «православной психологии», никаких нареканий.

Т.А. Фолиева

Рецензия на: **Contemporary theories of religion: a critical companion** / Ed. by Michael Stausberg. — Routledge, 2009. 309 p.

Есть очень востребованный жанр в научной литературе — условно его можно обозначить как «путеводитель по новейшим теориям и книгам». Во многих случаях нам служит таким путеводителем или компасом, источником первичной библиографии и авторитетом «Энциклопедия религии». Но она не всегда помогает — все-таки издание 2005 года не слишком полно освещает дискуссии в религиоведении 1990-х — 2000-х годов.

Одним из таких путеводителей является рассматриваемая нами книга. Критический обзор современных теорий религии, подготовленный коллективом авторов под общей редакцией Майкла Стаусберга — библиографически ориентированная работа. Она построена как ряд выстроенных в хронологическом порядке эссе, посвященных наиболее влиятельным, с точки зрения редактора, работам по теории религии за последние двадцать лет.

Выбор книг и авторов, представленных в этой книге, определяется ее заголовком. Что такое современная религиоведческая теория? Майкл Стаусберг отвечает на этот вопрос следующим образом: «Теории религии должны отвечать на четыре взаимосвязанных вопроса: в чем состоят